

ПРОЛОГ

 Сегодня ты будешь Повелительницей Солнца, — говорит король Эдуард¹ и помогает мне удобно устроиться в повозке, — королевой моих празднеств.

«Уж давно бы пора!» Разумеется, вслух я этого не произнесла — я ведь женщина неглупая, — только подумала. Слишком долго ждала этой чести. Двенадцать лет, на протяжении которых я была наложницей Эдуарда.

— Благодарю вас, милорд, — негромко произношу я и, лучезарно улыбаясь, приседаю в глубоком реверансе.

Плащ, который переливается золотым шитьем, я расправила так, чтобы видна была его подкладка из алой тафты. Платье же на мне — красное, с белой шелковой каймой, подбитое мехом горностая: цвета Эдуарда, королевский мех, достойный венценосной особы². Мерцание золота затмевается блеском бесчисленных самоцветов, играющих под лучами солнца: красных как кровь рубинов, загадочных густо-синих сапфиров, удивительных бериллов, способных лишать силы любой яд. Всем известно, что я ношу драгоценности королевы Филиппы³.

¹ Эдуард III (1312—1377) — английский король (1327—1377) из династии Плантагенетов. Был связан кровным родством с династией Капетингов, и его притязания на французский престол привели к Столетней войне (1337—1453). (Здесь и далее примеч. пер.)

² В Средние века мех горностая мог украшать лишь парадные одеяния царствующих особ.

³ Филиппа Геннегау (1314—1369) — третья дочь Виллема I Доброго, графа Геннегау, Голландии и Зеландии, с 1328 г. — супруга Эдуарда III, королева Англии.

Сижу я на сидении возка непринужденно, в гордом одиночестве, скромно сложив руки на коленях поверх богато украшенного платья. Это мое право!

Я оглядываюсь вокруг: нет ли поблизости хмурой и мрачной принцессы Джоанны? Нет, этого моего заклятого врага нигде не видно. Отсиживается, небось, в своих палатах в Кеннингтоне¹, замышляет что-нибудь недоброе против меня. Джоанна Прекрасная². Джоанна Претолстая! Противник, с которым нельзя не считаться, а уж щепетильности и понятий о нравственности у нее не больше, чем у дикой кошки в период течки.

Я перевожу взгляд на Эдуарда, уже сидящего в седле своего боевого коня, и улыбка моя становится ласковой. Он такой высокий, сильный — просто загляденье! Какая мы с ним замечательная пара! Его годы еще не слишком согнули, а я — в самом расцвете сил. Уродина, конечно, так все считают, но не лишенная своих достоинств.

Я — Алиса. Фаворитка короля. Возлюбленная Эдуарда. Повелительница Солнца...

Ах!.. Я непроизвольно моргаю — пролетевший мимо голубь взмахом крыла сметает стоящие перед глазами воспоминания и безжалостно возвращает меня к жестокой действительности. Я сижу у себя в саду, вдали от двора и моего короля, вынужденная смириться с горькой истиной. Как низко я пала! Одинока, бессильна, заточена — как некогда лев в зверинце Эдуарда, давно уже умерший, — лишена и тени власти, упрятанная от людей, утратившая все, что сумела нажить своими стараниями.

Я теперь никто. Нет больше Алисы Перрерс.

¹ Кеннингтон — в Средние века пригород на южном берегу Темзы, ныне — один из районов Лондона.

² Принцесса Джоанна, графиня Кентская (1328—1385) — внучка короля Эдуарда I, двоюродная сестра Эдуарда III. Современники считали ее самой красивой женщиной в Англии.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Счего же мне начать? Трудно на чем-то остановиться. Мои самые ранние годы не отмечены печатью радости и счастья. Что ж, начну с того, что врезалось в память. С самых первых воспоминаний.

Тогда я была ребенком, слишком маленьким, чтобы понять, кто я и что я. Смирненно преклонив колени, я молилась вместе с сестрами в огромной церкви Святой Марии, в аббатстве города Баркинга. Шел восьмой день декабря месяца, и воздух был таким холодным, что даже дышать им было больно. Колени упирались в шершавые каменные плиты пола, но уже тогда я хорошо понимала, что ерзать на молитве нельзя. Статуя на высоком постаменте в приделе Богоматери была наряжена в новое синее платье, а покрывало из дорогого шелка удивительно мерцало белым светом в полумраке затененной ниши. Монахини пели псалмы, положенные во время вечерни, у ног статуи горело целое море свечей, и их свет играл на больших складках синего одеяния, отчего казалось, будто статуя дышит и шевелится.

— Кто это? — спросила я слишком громким голосом — я же ничего толком тогда и не знала. Сестра Года, которая учила послушниц (когда таковые имелись), сделала мне знак замолчать.

— Это Пресвятая Дева.

— А как ее зовут?

— Пресвятая Дева Мария.

— А сегодня какой-то праздник?

— Нынче праздник Непорочного зачатия¹. Помолчи же!

¹ Догмат католической церкви, согласно которому Мария родилась естественным путем от Иоакима и Анны, однако была изначально лишена первородного греха.

Я ничего из сказанного не поняла, но с той минуты полюбила Деву Марию. У нее было красивое лицо, глаза опущены, руки воздеты, словно она звала меня к себе, а на раскрашенных губах играла едва заметная улыбка. Но больше всего меня привлекла корона из звезд, покрывавшая ее чело по случаю праздника. В пламени свечей звезды отливали золотом, искрились драгоценные камни. Меня это зрелище заворожило. Служба закончилась, монахини потянулись к выходу, а я осталась стоять перед статуей.

— Пойдем, Алиса, — сказала сестра Года, совсем не ласково схватив меня за руку. Но я была упряма и уперлась ногами в пол, залитый отблесками пламени.

— Да пойдем же!

— А почему у нее корона из звезд?

— Потому что она — Царица Небесная. Ну, теперь ты...

Она шлепнула меня по руке, и пришлось подчиниться, но я все равно потянулась к статуе, хотя рост еще не позволял мне ее коснуться, и улыбнулась.

— Мне хотелось бы носить такую корону.

Второе мое воспоминание относится к тому же самому времени. Невзирая на поздний час, сестра Года, низенькая и хрупкая, но сильная, била меня кожаным ремешком по руке до тех пор, пока кожа не покраснела и не покрылась волдырями. Она сердито прошипела, что это — наказание за грех гордыни и грех алчности. Кто я такая, чтобы любоваться короной и желать такой же для себя? Кто я такая, чтобы приближаться к Пресвятой Деве, Царице Небесной? Мне не сравниться даже с голубями, которые взмывают ввысь и кружат над алтарем. На весь завтрашний день я останусь без еды. И встану, и лягу в постель на пустой желудок. Она научит меня смирению. В животе у меня урчало от голода, рука жутко болела, и тогда я узнала (в первый, но далеко не в последний раз), что женщинам не дано получать то, чего они желают.

— Ты плохая девочка! — четко и ясно заявила сестра Года.

Я лежала без сна до тех пор, пока часы аббатства не пробили два раза, созывая нас на раннюю заутреню. Я не плакала.

Наверное, согласилась с тем, что говорила наставница, а может, была еще слишком маленькой, чтобы понять смысл ее поучений.

Так, а что же третье?

А! Гордыня! Сестре Года так и не удалось выбить ее из меня. С полным безразличием в глазах она укоряла меня за какой-то проступок (сейчас уж и не припомню, в чем он состоял).

— Что за наказание мне возиться с тобой, девчонка! Ты, скорее всего, бастард и рождена вне священных уз брака. Ко всему еще и уродлива. Я не вижу в тебе ни единой черточки, которая намекала бы на возможность спасения души, хотя ты, вне всякого сомнения, и принадлежишь к числу творений Божьих.

Значит, я бастард и уродина. В свои двенадцать лет я не могла решить, какое из этих зол больше. Я уродлива? Если бы сестра Года имела каплю сострадания, она бы сказала: «У тебя заурядное лицо». Слово «уродливая» меняло все в корне. В монастыре запрещены были зеркала — и потому, что символизировали тщеславие, и потому, что были слишком дороги для скромных монахинь, — но какая же из сестер не пыталась разглядеть себя в чаше, наполненной чистой водой? Или уловить пусть и искаженное отражение в начищенных серебряных сосудах, которые использовались на службах в монастырской церкви? Я поступала как все и видела то же, что могла видеть и сестра Года.

В ту ночь я взгляделась в лохань ледяной воды, прежде чем мне велели задуть свечу. Отражение дрожало, но рассмотрела я достаточно. Волосы, очень коротко остриженные (дабы бороться сразу и со вшами, и с грехом гордыни), были темными¹, жесткими, без единого завитка. Глаза — черные, как терновые ягоды, как дыры, какие моль проедает в одежде. А остальное? Щеки запали, нос сильно выдается вперед, рот слишком большой. Одно дело, когда тебя называют уродиной, другое — убедиться в этом собственными глазами.

¹ В средневековой Англии красавицей могла считаться только блондинка.